

ВРЕМЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЗИИ

М.Ф. Альбедиль

СТРУКТУРА ПРОТОИНДИЙСКОГО КАЛЕНДАРЯ

Смысл слова «время» нуждается в специальных уточнениях: в науке и в обыденной жизни мы употребляем его в разных значениях. Более того, в разных сферах науки понятие времени различается не только количественно, но и качественно. В свое время это отметил В.И. Вернадский: «Время физика, несомненно, не есть отвлеченное время математика или философа, и оно в разных явлениях проявляется в столь различных формах, что мы вынуждены это отмечать в нашем эмпирическом знании. Мы говорим об историческом, геологическом, космическом и т.п. временах. Удобно отличать биологическое время, в пределах которого проявляются жизненные явления» [Вернадский 1980: 274]. Именно биологическое время ученый считал главным в биосфере, поскольку его метрика и качественные характеристики продуцируются деятельностью живых организмов. По всей вероятности, восприятие времени в протоиндийской цивилизации было ближе всего к представлениям естествоиспытателей в приведенном выше высказывании В.И. Вернадского.

Это восприятие наиболее выразительно воплотилось в протоиндийском календаре. В целостном и завершенном виде он не приводится в протоиндийском наследии. Но отдельные календарные фрагменты встречаются в датировках некоторых надписей, в изобразительном материале и в символической графике [Кнорозов 1972: 190–205]. Они позволяют восстановить протоиндийский календарь как определенный способ семиотизации времени, принятый в архаической культуре.

Этот способ проявляется прежде всего во внутренней структуре календарной системы, которая состоит из нескольких подсистем. Вызванные к жизни разными целями в разные исторические периоды, эти подсистемы обслуживали разные сферы жизни.

Первая, древнейшая из них, условно может быть названа лунной. Связанная с нуждами охоты и собирательства, т.е. присваивающей экономики, она восходит скорее всего к палеолиту. Некоторые исследователи предполагают, что палеоастрономия в своих основных параметрах сформировалась именно тогда [Marshack 1970]. Охота и собирательство требовали обостренного внимания к пространственно-временным ориентирам, среди которых важнейшую роль играло движение Луны по звездному небу и ее изменение по фазам. По ним выбирали наиболее удачные периоды для охоты и сбора плодов, трав и корней; они же служили надежными ориентирами для возвращения домой.

Главными единицами измерения времени в этой подсистеме служили, по всей вероятности, полумесяцы: от новолуния до полнолуния и от полнолуния до следующего новолуния. Это предположение подтверждается по меньшей мере тремя аргументами. Во-первых, в протоиндийских надписях выделены 24 полумесяца, названные «небесными единицами [времени]», а дни новолуний и полнолуний выделяются как особо почитаемые. Во-вторых, в тамильском, каннада, телугу и других дравидских языках слова «луна», «полнолуние» и «месяц» являются синонимами. Наконец, в-третьих, в современном индийском календаре сохраняется традиция деления месяца на светлую и темную половины и почитание дней полнолуния и новолуния.

Вероятно, несколько позже возникла вторая подсистема; условно ее можно назвать солнечной или земледельческой. Она выразилась в делении года на микросезоны неравной длительности, отражающей особенности климатических условий в долине Инда. Первоначально эта подсистема была связана с нуждами собирательства, но позже, со становлением производящих форм хозяйства и с развитием земледелия, она послужила основой для календаря, ориентированного на солнечный год и нужды земледельца. В нем фиксировалась прежде всего смена времен года, знание которой было для него важно. Можно предположить, что выделенные тогда естественные месяцы соответствовали реальным экологическим условиям долины Инда. Об этом свидетельствуют их названия: «начало холода», «большой подъем воды», «время стоячих облаков», «разлив» и т.п. Эти естественные месяцы протоиндийцы объединяли в три больших сезона. Каждый из них имел свое название, зооморфный символ и обозначался концентрированными кружками, от одного до трех. Год начинался сразу после осеннего равноденствия, т.е. вхождения солнца в созвездие Скорпиона [Knorozov, Albedil, Volchok 1981: 54–58].

Довольно рано протоиндийцы начали использовать астрономические наблюдения для измерения времени. Их знание было необходимо для выполнения некоторых хозяйственных работ, приуроченных к определенному сроку, например возведения ирригационных сооружений, которые нужно было завершить до прихода муссона или разлива Инда. Астрономический солнечный год был основан на четырех неподвижных точках – весеннее и осеннее равноденствия, зимнее и летнее солнцестояния.

Третья подсистема сложилась с формированием государства и устойчивых политических структур, поэтому ее условно можно назвать государственным календарем. Эта подсистема представляла собой реформированный прежний календарь, основанный на лунном и солнечном счете времени. Причины реформ могли быть политическими, династийными и т.п., и за время существования протоиндийской цивилизации таких причин могло быть несколько. Вполне возможно, что вместе с некоторыми реформами не раз переносилось и начало года.

Прежние естественные месяцы-микросезоны в этой подсистеме были объединены в шесть сезонов определенной длительности по 60 дней. В каждой полугодии было по три таких больших сезона; каждый из них имел зооморфный и вегетативный символ.

Наконец, четвертая подсистема в протоиндийском календаре условно может быть названа жреческой или ритуальной. Главными единицами измерения времени в ней служили регулярно совершаемые жертвоприношения. Эта подсистема

ма делила год на так называемые нумерованные месяцы внутри больших четырехмесячных сезонов; они маркировались знаком жертвенного сосуда с предшествующей нумерацией от одного до четырех.

Подобное измерение времени, как и тесная смысловая связь представлений о времени с жертвоприношением, было свойственно не только протоиндийской, но и наследующей ей индийской культуре: «Жертвоприношение <...> бытового календарь, регулятор жизни и труда, педагогический ресурс в семье, столь редкое разнообразие в ходе серой жизни, т.е. своего рода развлечение» [Снесарев 1981: 22].

Базовым циклом времени для каждой подсистемы протоиндийского календаря был год; иногда с ним отождествлялось время вообще. Он служил своеобразным эталоном при структурировании других временных единиц и организовывал всю систему календарно-хронологических представлений в единое целое. Благодаря этому устанавливалась многоуровневая система соответствий разных временных рядов, структурно объединенных семантикой составляющих ее частей. Год делился на более мелкие изоморфные циклы, вплоть до долей секунды. В то же время он служил базовой моделью для построения крупных хронологических циклов (5-летнего, 12-летнего и 60-летнего).

Таким образом, структура протоиндийского календаря была сформирована четырьмя подсистемами: 1) лунной, или охотничье-собираательской; 2) солнечной или земледельческой; 3) государственной, или гражданской и 4) жреческой, или ритуальной. Эти подсистемы существовали не изолированно, они сложным образом взаимодействовали и переплетались друг с другом.

Библиография

- Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. М., 1980.
Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М., 1972. Ч. II.
Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М., 1981.
Knorozov Y.V., Albedil M.F., Volchok B.Y. Report of the Investigation of the Proto-Indian Texts. М., 1981.
Marshack A. Notation dans les gravures du Paleolitique superieur. Institut de Prehistoire. Memoirs, 1970.

Ю.Е. Березкин

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ БЕРИНГИ И ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07–06–00441а)

Данные популяционной генетики и физической антропологии показывают, что до своего проникновения в Новый Свет предки индейцев жили в пределах ныне затопленной морем берингийской суши, где оказались изолированы от азиатских популяций. Как долго продолжалась изоляция, вопрос спорный. Ге-